

Вячеслав Киктенко

**Пёстрые
рассказы**

Вячеслав Киктенко

Пёстрые рассказы

«Издательские решения»

Киктенко В. В.

Пёстрые рассказы / В. В. Киктенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515631-0

Рассказы, собранные в книге, потому так и названы — «Пёстрые рассказы», что все они совершенно разноплановы и невелики по объёму. Здесь и лирические наброски, и юмористические воспоминания, и пародии. А также ритмически организованная экспериментальная ранняя проза «СБОРНАЯ ДЕТАЛЬ». Возможно, это более свободные стихи, нежели проза в общепринятом понимании.

ISBN 978-5-00-515631-0

© Киктенко В. В.
© Издательские решения

Содержание

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО	6
ПЁСТРЫЕ РАССКАЗЫ, РАССКАЗИКИ	6
ПЛОТНЫЙ ТАНДЕМ. КИНОПОВЕСТЬ	7
ВЕЛИКИЙ ПАВЛУША	8
ТЕЛЕФОН	10
ПРОБУЖДЕНИЕ	11
ВСТРЕЧА	12
ЛИЦЕМЕРЫ	13
СУЩЁНАЯ КОСТОЧКА	14
СМЕШНАЯ ЦЕНА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Пёстрые рассказы

Вячеслав Вячеславович Киктенко

© Вячеслав Вячеславович Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-5631-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

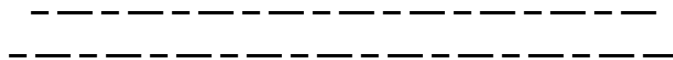
ПЁСТРЫЕ РАССКАЗЫ, РАССКАЗИКИ

СОДЕРЖАНИЕ книги ПЁСТРЫЕ РАССКАЗЫ:

**ПАВЛУША
ТЕЛЕФОН
ПРОБУЖДЕНИЕ
ВСТРЕЧА
ЛИЦЕМЕРЫ
СУШЁНАЯ КОСТОЧКА
СМЕШНАЯ ЦЕНА**

СБОРНАЯ ДЕТАЛЬ (Часы. Раковина. Свеча. Книга.
Телевизор. Пластинка. Фотоаппарат. Окно. Комната.)

ПЛОТНЫЙ ТАНДЕМ. КИНОПОВЕСТЬ

ВЕЛИКИЙ ПАВЛУША

Кто из поэтов, художников, «творцов вообще» не хотел хоть однажды умереть на месте от созерцания и торжества собственной красоты, гениальности? Кто не мечтал, пусть даже втайне? Знал я, очень даже хорошо знал такое создание... птицу такую.

Специально, каждый год, весенними месяцами (в зависимости от раннего или позднего наступления тепла это был март или апрель, тут главное не упустить момент!) я ходил в зоопарк, посмотреть на очнувшегося после холодов павлина, которого по старому знакомству звал уже просто и ласково Павлуша, поздороваться с ним, пожелать ему сил, вдохновения, творчества.

Хвост у Павлуши – метра полтора, если не два длиной, весь какой-то свалывшийся, изгвазданный в пыли, уныло по обыкновению волочащийся за ним по территории земляного загона. Уныло и обыденно, кроме мгновений весеннего, нервного, невероятного счастья. И вот он наступал, звёздный час! Час вдохновения, гениальности...

Павлуша восставал посреди клетки, а в сущности – посредине мира, и распускал свой великолепный, отряхнувшийся от серой пыли, вдруг становившийся в одночасье гигантским, хвост. Хвостище!

Боже ты мой, и откуда только у этой тщедушной, не больше хорошего голубя, птицы, вдруг находились силы поднимать, воздымать над собою, надо всей восхищённой толпой поклонников и зевак, столпившихся у огромной клетки, свою гигантскую корону?

Я как-то пригляделся, – у основания, у самого хвоста Павлуши каждое перо (его костная основа, разумеется, а не радужная перьевая опушка) было не меньше обычного женского пальца в толщину. Ну, пусть даже мизинца. Какие силы двигали всей этой машиной? Уму непостижимо...

Павлуша с треском – обязательно и только перед зрителями, перед толпой народа – распускал это чудо, эту самосветящуюся лавину света.

Он, словно раздобревший вдруг Кащей Бессмертный, раскрывал, наконец, отмыкал и распахивал перед людьми самые сокровенные закрома всех своих переливчатых цветов, и, в какой-то миг, – распускал великолепную, потрескивающую (словно бы мизерные грозовые разряды игольчатыми мириадами зарниц возникали и вспыхивали там, перемигивались между собою в этом гигантском плавильнице света, огней, перещёлков и пересвистов), распускал эту машину огня, и плавно пересотворял, переплавлял её, эту невообразимую, клокочущую, рвущуюся клочками разноцветного пламени бездну в её величество – РАДУГУ. Корону, коронищу счастья.

В такие мгновения Павлуша не просто пребывал обыденной, пусть даже диковинной в наших краях птицей, записанной в бухгалтерский, подведомственный государственному зоопарку реестр... нет, в эти мгновенья Павлуша, становившийся в одночасье великим Павлом – Царил!

Царил, восстав во всём невероятном блеске своего великолепия, воспарял над толпою минут пять, десять, – в зависимости от настроения, погоды и, вероятно, самочувствия. Глаз павлушиных видно при этом не было, – закатывались горе...

Особенно зрелищными становились выступления Павлуши в солнечную погоду. Тогда каждый глазок на его распутившихся перьях словно бы просыпался от смутного сна, раскрывался во всю свою ширь, и дерзко глядел уже не только на толпу восхищённых зрителей, но и на самоё Солнце. Ибо великое Солнце в эти мгновения воистину было равновелико каждому, даже самому малому оку Павлуши, изумительно переливавшимся всеми цветами радуги в каждом солнечном лучике.

Кто-то из толпы фоткал воцарившего Павла в эти минуты, а я просто стоял и балдел. Я, мама моя родная, просто молча обалдевал. И молил уже только об одном – «Павлуша, миленький, золотой, только не надорвись, ради Бога... у тебя же сердце сейчас не выдержит от восторга, напряжения, вдохновения!..»

А он, молодчага, не поддаваясь никому и ничему, кроме мига вдохновения и восторга, величественно и неторопливо завершив, наконец, бенгальски сиявшее, потрескивавшее на весь мир торжество, опять сворачивал перья в унылый пыльный хвост пучком, и, устало переваливаясь с бока на бок, медленно отходил в свою дощатую дыру – конуру, небрежно отпихивая по дороге похотливо льнувших к нему, вечно преданных и хотящих его сереньких бабочек-клушек. Ногой растопыренной этак досадливо отпихивал, распихивал их, мешающих проходу артиста свою в гримёрную в разные стороны – я хорошо помню эти небрежные жесты великого мачо, которому, после его великого торжества, уже побоку была какая-то жалкая женская похоть, и они, квохча, якобы обиженные и униженные, забивались – каждая по отдельности – в свои неприметные, зоосадовские уголочки-клетушки...

Какие бабы? Он был Артист, Поэт, Царь! А тут какая-то серая навязчивая шелупонь... для этого есть другое время, ночь, или даже пасмурный невзрачный денёк, а не этот сияющий, весенний День, полный восхищённых зрителей, истинных почитателей Гения...

Во как увлёкся! Это я про себя, наверное. Я всегда ценил красоту, внимание, доброту настоящих женщин, а не дешёвок-профур. И ничего, кроме благодарности, в душе у меня не прижилось, несмотря на какие-то мелкие недоразумения. Все они давно упокоены в былом. Да и, честно говоря, я их попросту позабыл, все эти смешные обиды и недоразумения. Скажу только словами хорошей советской песни:

«Спасибо вам, люди, за дружбу со мной...»

Женщинам спасибо особое. Грели, воспламеняли, жгли, помогали в недолях...
и – снова и снова – любили...

«...язык пространства, сжатого до точки...»

ТЕЛЕФОН

Жду звонка.

Волнение переливается в груди. Переваливается.
Только бы не шальной, не посторонний! —
Чужому нагрубишь, обидишь...

Черный диск оскалил хамское рыло с десятью нумерованными зрачками.
Что, изверг, торжествуешь?
Уверен, что сам закрутишься по воле шифрованной цифири?..

Ну-ну, заходило, заходило...
Захолонуло.

В одночасье помутиться можно.

В другой комнате – не так. Спокойней. Гипноз предметов.
Неужели он есть?
Телепатия.
А то – телефония.

Время подходит.

Срок кончается через пять минут.
Пустоцветы ожидания полетят-полетят черными лепестками
в белое весеннее небо...

Ну уж, так ли красиво?

Это же – телефон.
Сводник.
Паскудник.

Жду звонка.

...ударит, серебристыми шариками раскатится тишина по углам, выпорхнут бабочки,
затрепещут меловыми крыльями, осыпая пыльцу, и растворятся белесоватым видением
в известковой бледности стен...

Показалось.

Жуть безмолвия, простираемая золотыми усиками, шуршащими на белом циферблате.

Жду...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Прийти к тебе, когда ты, сонная, поеживаешься, вытягиваешься, опять сворачиваешься и, хищно посверкивая из-под одеяла, с огоньком затаенной нежности в глубине, сужаешь болотца заспанных глаз.

Едва-едва зримо, почти призрачно рассыпаются в воздухе зеленые искры от твоего очнувшегося, последние заряды сна отдающего тела.

Потрескивают, зигзагами расходятся к потолку, стенам, электризуют воздух. Возвращаются, нежно пощекотывая. И все-таки приводят в чувство.

Капризная со сна, еще не отдающая никому отчета, поглаживая мятым языком припухшие губы, уже пытаешься что-то посильное совершить и потрясти изумлённый твоим пробуждением мир. Ну, например, обругать маму, или кого-нибудь близкого, поправившего (поправшего) одеяло. А потом долго выяснять причину злости...

Рядом бы – кого-то разнеживающего, ленивого, равнодушного. С твоим сознанием, но чужим, завораживающим телом. С таким наслаждение мыслью вторично, главное – насыщение мужеской, пусть и незнакомой тебе плотью как раз тогда, как раз в то мгновение, когда хочется, когда – **хоть**. Как в древних заговорах – **хоть и плоть**...

Через окно, сквозь пыль – пышные, «вкусные» лучи солнца. Суслоны света.

Атомы лени перезаряжаются, обретают упругость, восходящую ярость дня. Пылинки, попавшие в косою плотный луч, мощно прорываются из окна, из-за отдрнутой шторы и нешумно проплывают сквозь кипень комнатного, ещё заполненного застоём сна омутного покоя.

Блуждающий сноп света сгрёб их, заставил вспыхнуть и плавно прокружить у самого лица. Только судороги выпадений за резкую кайму, и опять – овал. Микролюбовь мгновенного свиванья и развиванья. А всего-то – луч...

Просунешь в световой колпак руку – пустота. Слово в космос сорвался. Не за что уцепиться. Рука чистая. Мускульные клубы пылинок даже не замутили белую полировку кожи. Тело вспугнуло ледяные, раскалённые кристаллы прерывистых и где-то не состоявшихся соединений...

А ты – состоялась. Еще не верится, что таким вот конусом света и ты когда-то войдешь в чей-то мир, в чье-то окно, и кто-то протянет руку, и зажгут её сторонним огнём пылинки того, что некогда, в счастливый миг сумело обернуться Тобой...

Зима. Частицы скреплены плотней и жёстче. Всё колюче. Даже сны. Это зима.

Соединения морозных кристаллов инея. Иглы белесых разводов на утренних стёклах. Иголочки новогодних, задолго до события, предчувствий. Еловый игольчатый запах. Иглистые пупырышки, пики «гусиной кожи», когда в предрассветный час, «час пик» полусонная, подтягиваешь сползшее одеяло...

Пики, колючки, иглы... и – глотательный рывок горловых мускулов, с трудом отправляющих внутрь застоявшийся ком. Косматая щетинка мира. И ты – одно, полудремотное существо, застигнутое миром врасплох, исколотое иголками тревожных предчувствий, ещё беззащитное, ещё раскатившее нежные шарики мускулов по самым отдалённым, по самым затаённым уголкам тела...

Прийти, – молча, неслышно очутиться рядом, и тонко продуть слежавшиеся виточки волос, точно пёрышки у нахохлившегося птенца...

ВСТРЕЧА

Странно. А ведь была. Была если не любовь, то хотя бы игра в неё. Совершенно серьёзная...

Встречаю. (Год? Два? Не помню. Да важно ли?). – Сокурсник. Стоит рядом с ней. (Или показалось? Но пусть – сокурсник).

– День добрый (Я).

– А-а... здравствуй... (Она).

Я – в черных очках. Броня. Смотрю. Долго и нагло. Смущая Сокурсника. Заставляя его отвернуться и отойти на положенные приличием три-четыре шага. Смешно.

Как порядочные.

Пальто. Шикарный (на вид), пышный (или – пышущий. Впрочем, неважно как пи-шущийся) воротник. меховой. Сейчас – с-меховой. С мехом. Смешно. С-мешно.

Без е – меш (но?) – (ок?). Мешок. Меш-ка. Мош-на. Хотя, скорее, дешовка. Рыжий мех воротника, одним словом. Тремя. (1 – Рыжий. 2 – Мех. 3 – Воротника.).

Пунктуальность – мой порок. От слова Пункт. (1. 2. 3.).

Вопрос второй (вслух):

– Лиса? (пальцем), Собака? (тыча), Кошечка? (смутилась-то как, бедная!).

– Н-не знаю... может быть...

С насмешкой и превосходством человека одинокого и в черных очках. Учу.

– Ну, зачем же так? Надо было сказать... знаешь, как надо было сказать?

– Н-нет...

– Так слушай. Надо было: Дурак! Громко. Натурально. С презрением. Надо было:

– Дур-рак! Это соболя!! Горностаи!!! Понятно?

– Да...

– Понимаешь зачем?

– Да...

– Ну повтори, прорепетируй. Помнишь?

– Ага...

– Ну, давай.

– Дурак... (слабо, ненатурально. Презрением не пахнет) ... забыла дальше...

– Ох, горе мне с тобой. Ну да ладно, прощай...

– Ага...

Ушел. Нет, не жаль. Нисколько. Страшно.

Страшно вот это – неужели в конце всего, пусть даже самую чуточку хорошего (а ведь было и оно) неизбежно присутствие (и что самое страшное – естественно!) и юродства, и даже кощунства?..

ЛИЦЕМЕРЫ

На городском балаклавском пляже завелось лихо.

Лиху от роду лет пять-шесть. Оно пропечено под солнцем до аборигенской черноты, кучеряво и дико. Дико нахально.

Этот башибузук каждый день, с самого утра, прибывает сюда на маленьком двухколёсном велосипеде в полном одиночестве, и начинает терроризировать пляж.

Весь пляж – от мала до велика – тихо ненавидит его. И даже втайне побаивается. На него нет управы. Кто он такой – никто не знает. «Дикий мальчик» – думают про него. И – ненавидят.

Есть за что.

Он выбирает стратегически точное место на каменных, мхом поросших ступеньках, спускающихся в море, и начинает сладострастно изводить отдыхающих.

Он плещет водою на белотелых матрон, вздрагивающих от ледяных брызг и беспомощно взвизгивающих.

Он окатывает водой стариков, детей, – всех. Радость его бурна, победна и звонкоголоса. Все ненавидят его и – боятся. Но позиция крайне конфузна: никто не знает чей он мальчик и какие меры воздействия можно предпринять против него.

Ситуация тупиковая.

А вождь краснокожих между тем бесчинствует. Он издаёт победные вопли, разносящиеся по всему пляжу, когда удаётся оседлать в воде какого-нибудь «культурного» мальчика и мучить его, методично притапливая с головою.

Он путается в длинных ногах красавиц, величаво восходящих из моря на сушу, и орошает их роскошные задницы щедрыми пригоршнями моря вперемешку с ракушками.

Он обижает стариков, загорающих в шезлонгах, выливая на их дряблые, но уже тронутые нежным загаром животики струйки мутной водицы из игрушечного ведёрка. Старики, скрипя, возмущаются, но поделать не могут ни-че-го.

Его ненавидят все.

Утопить гадёныша – раз плюнуть.

А ведь утопишь, не похвалят. Не то что слова доброго не скажут и не выразят коллективной благодарности, – простого «спасибо» не дождёшься. А ведь как ненавидели, как ненавидели!

Лицемеры, право слово, лицемеры...

СУЩЁНАЯ КОСТОЧКА

(ОЛЕША. Ранний опыт пародии)

Жироскопически подвывая, в комнате плакал ребенок. Прокушенное молочным зубом яблоко вытекало из себя. Птенец-приготовишка с черной кокардой хрупкого клюва мыкался на ветках. Июнь-месяц, как бедный родственник, стоял в рифленном лучами саду. Он не решался шагнуть в скрипучую дверь мансарды.

В мансарде исчезали вещи.

Матовый тюль пожирал их загадочным образом.

В ярком провале окна обозначалась ночь. Ночь поселилась внутри мансарды. Предметы растворялись в ней, точно ослепительные кубики рафинада в граненом стакане тёмного контрабандного кофе. Ажурная пена тюля всплывала в окне. Так шипучие шампанские волны Черного моря оседают на молотом песке одесского лимана. Там, в незапамятные времена, полшадиному вскидывая свое бесхарактерное лицо (за давностью лет я бы даже сказал – маску, гипсовую щерблёную маску) Игорь Северянин напевал мне чарующее своей бесконечной пошлостью:

Это было у моря, где ажурная пена...

Королева просила перерезать гранат...

Контрабанду доставляли в Одессу копчёные греки, беззаветные друзья Эдуарда Багрицкого. Его знают как Эдуарда. Я знал Эдку. Эдку, всего-навсего мирно пугавшего птиц, пившего тёплое одесское пиво, гениально завывавшего про своих забубенных дружков:

На правом борту, что над пропастью вырос,

Янаки, Ставраки, папа Сатырос...

Детство было ущербным. Детство продолжало канючить в липовой мансарде. Оно не давало отлучиться в каштановый парк, где еще можно было невооруженным глазом поискать дальтонических груш. Испанская девочка с певучим именем томила на рыхлой скамейке.

...оно не пришло. Детство распространяло незаконные генеалогические права на шумящее широкой листвою дерево юности. Любовь сворачивала лавочку. Она умирала на втором этаже, в мансарде хлебосольного грека, имевшего исконным занятием торговлю продуктами моря. Копчеными. Которые теперь, дико топыря пузырчатые глаза, болтались на пеньковом шнурке. Шнурок был протянут поперёк обнесённого розарием каменного дворика. По дорожкам из мозаичного гравия, искусно вкрапленного в пластичную почву, ходил Диоген Синопский с лейкой в сухой руке. Он поливал лубяную, тщательно обсосанную и втиснутую в почву – меж камушков – вишнёвую косточку. Я заслонял ему солнце. Сузив глаза, он вещал небогатым голосом

– Не засти солнце... не засти мне солнце, мальчик...

Старик был плох. Он умирал. Спорить с ним было нелепо. Приходилось хамить:

– Хомо хомини люпус эст!

Приходилось звучно жевать античный, почти уже несуществующий плод воображения.

СМЕШНАЯ ЦЕНА

...скотина!.. да куда же тебя понесло?.. откуда ты взялся, Мурик?..

Развалился, гад, на кресле за двухместным столиком в кафе, сидит себе, пиво потягивает, рядышком с этим типом в панаме... а мне что прикажешь делать? Стоять в сторонке, смотреть как ты кайфуешь в летний зной?

Вообще-то он парень ничего, этот Мурик. Но кой чёрт занёс его сюда, именно в этот час?.. Я бы, между прочим, тоже запотевшую кружечку опрокинул... но место, место-то занято!..

Хороший он парень, когда спит. А когда не спит... что говорить! Шляется вечно, где ни попадя. Сидел бы дома, детективчики мусолил. Или с тёлками парился. Нет, понесло его...

Вот, цапнул зажигалку со столика. Кинул сигарету в пасть... хорошая зажигалка, с первого раза сработала: мягко так высунула язычок, лизнула сигарету – и голубоватый дымок над столиком... отличная зажигалка!

Но что с ним делать? Ноги оторвать? Убить совсем, к чертям собачьим?..

Но зажигалочку, Мурик, ты мне отдашь, сильно она мне нравится – милая такая вещица, с перламутровым отливом...

На выходе из парка догнал, хлопнул по плечу:

– Огонька не найдётся?

Болван развернул квадратное рыло, рёв, начинающий восходить из утробы, смолк на полпути. Признал коллегу, разлыбился.

– Ты?.. Да без огонька?.. может, и сигареты забыл?

– Сигареты в наличии, а вот зажигалку посеял. Ну-ка, пособи...

Огонь уютно вытянулся из перламутровой оболочки. Я сдержанно похвалил.

– Хорошая вещица, уступил бы товарищу...

– Не-е, от добра добра не ищут, – исправная вещица...

– Ну так продай!

– Вон ларёк, купи новую.

– Мне твоя глянулась, уступи!

Мурик злорадно ухмыльнулся:

– Не-е... в твои годы свои надо иметь.

– Спорим, уступишь?

Болван недоуменно воззрился, но всё же спросил:

– Какую купюру предложишь?

– А какая первая попадётся.

Я вынул из кармана стогириновую, не глядя протянул.

– Годится?

Квадрат вытянул губы трубой, промычал:

– Ты чё, серьёзно?.. за эту дрянь? Штамповка же...

– Серьёзно. Уступаешь?

– Бери...

– Ну вот, ты и проиграл спор. Бывай покуда...

Я сунул зажигалку в карман и зашагал прочь.

Но встревоженное чудовище не угомонилось.

– Слышь, Шурик, я что-то не догоняюсь... ты разжуй толком, чтоб без обиды... коллеги всё-таки...

Глянув на его покрасневшую, вдруг ставшую добродушной ряху, я расхохотался:

– Знаешь, я тебе случай расскажу, а ты кумекай. Добро?..

– Добро...

– Ну, так вот. Попал, значит, цивилильный мужик в плен к людоедам. Стоит связанный, ждёт участи. Рядом костёр потрескивает... а племя сидит вокруг, глазами мужика пожирает. Вождь докурил трубку, спрашивает:

– Жить хочешь?

– Хочу.

– Что дашь взамен?

– Ничего нет.

– А поройся в карманах!

– Руки связаны...

Вождь командует, развязывают мужика. Грустный, роется в карманах – ни черта не успел из каюты захватить! Одна зажигалка да пачка сигарет...

Вождь увидел зажигалку, глаза загорелись.

– Это что?

– Волшебная вещь, волшебный огонь...

– А ну, докажи!..

Щёлкнул мужик зажигалкой, огонь вспыхнул – племя охнуло. Прикурил вождь новую трубку, и айда нахваливать:

– Правда, волшебная вещь... подаришь?..

– А в живых оставишь?

– Не только оставлю – другом будешь! А завтра на лодку посажу, плыви куда знаешь...

Ну, задружились они. Наелись, напились до отвала, а утречком вождь самолично пошёл мужика проводить, до лодки. Идут они, два друга, идут в обнимочку по лесистой тропинке к морю, а мужик возьми и спроси на радостях, с хорошего похмела:

– Скажи напоследок, по дружбе скажи, почему пощадил? Мог ведь и так забрать вещицу... да и никакая она не волшебная!..

– Волшебная, – качает головой вождь – редкая вещь! Да вот, погляди: разводит кусты на тропинке и выводит мужика на полянку. А там гора черепов навалена.

– Это кто такие? – спрашивает мужик.

– А это те – отвечает вождь – у кого зажигалка с первого раза не загоралась...

Тут Мурик захохотал, и радостно подытожил:

– Вот теперь въехал! Теперь без обиды...

– Ну, так вот и считай, что сегодня тебе крупно повезло...

Через год мы сидели с ним на веранде моей новой виллы у моря, обмывали покупку дома и нашу встречу, состоявшуюся по моей инициативе, вспоминали прошлое. Перламутровая зажигалка, давно оттянувшая срок и выдохнувшаяся, лежала на столике, меж разноцветных бутылок. Год назад мне удалось удачно проламинировать между рифов, отмелей, комбинаций, уютно осесть в тихой заводии... теперь можно было говорить обо всём. Я спросил, повертев опустевшую зажигалку:

– Узнаёшь?

– Никак та самая?

– Она. Я выиграл спор – и выиграл всё. А как твои сто гринов?

Мурик грустно ухмыльнулся:

– Да, старик, ты прав... видно, эта дрянь принесла тебе удачу... а тот столик... да где он теперь?..

– Он при тебе. Он теперь всегда будет при тебе. До смерти.

– Это как?

– А вот так! Помнишь типа в панаме, который сидел в тот день напротив тебя в кафе?

– Да нет... не очень помню... я тогда и не обратил внимания...

– А вот я очень даже обратил! Но ты, скотина, сел как раз на моё место в условленный час, и по дикому совпадению у тебя оказалась точно такая же зажигалка, как и у него, и точно такая же – заметь! – как и та, что я должен был передать типу в панаме...

– А он что, не знал тебя в лицо?

– Конечно нет, это был рядовой связной агент, в его задачу входило одно: сесть за тот столик и невзначай обменяться зажигалками. Вот и всё. А ты оказался на моём месте. Смотри – я подставил зажигалку плоской стороной под солнце, и на просвет проступило из перламутровой глубины – СЛОВО...

Мурик вчитался в него... и ничего не понял.

– Да это ж абракадабра какая-то!

– Да, это то самое кодовое, или «Петушиное Слово», которое я должен был произнести у банковского сейфа, причём именно *моим* голосом. Ни на чей другой голос аппаратура б не среагировала.

Да, мне нужно было произнести Слово, которого я ещё не знал, – а знала лишь *эта* зажигалка! – и получить свои наградные за удачную операцию... вот эти наградные – я обвёл руками чудесные контуры моей виллы с парком, выходящим к морю – плюс наперёд пара-тройка лет жизни без напряжения и риска. Несколько лет отдыха...

Мурик побагровел.

– Шурик, а где *мои* наградные?! Я, можно сказать, сделал за тебя самую ценную работу, оказался в нужное время в нужном месте... это же я вынул для тебя каштаны из огня!..

– Ну, во-первых... никто из живущих, кроме меня, не смог бы воспользоваться «Петушиным Словом». А во-вторых...

– Что во-вторых?

– Во-вторых, ты уже получил свои наградные. И очень даже не маленькие. Не проиграй ты мне спор, не уступи тогда зажигалку, могло бы выйти значительно хуже... поверь мне, значительно хуже – для тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.